

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цзоу Айчжу

Аспирант, Казанский федеральный университет
Zouaizhu@yandex.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUISTIC AND CULTURAL PAREMIOLOGICAL UNITS OF THE HUMAN INTELLECTUAL WORLD IN CHINESE AND ENGLISH

Zou Aizhu

Summary: The article presents a linguistic and cultural analysis of the proverbs representing the concept of mental abilities and the assessment of cognitive behavior in the Chinese and English language traditions, with an emphasis on the semantic differentiation of «wisdom/knowledge/wit» and their correlation with everyday rationality and everyday reasonableness. The material demonstrates that in both languages the intellectual characteristic of a personality is systematically expressed through stable figurative formulas, however, the set of dominant metaphors and evaluative vectors differs: English expressions actively use the oppositions «theory–practice», «silence–depth», «thrift–extravagance», whereas Chinese proverbs rely more heavily on hieroglyphic concepts. (blue) and the «mind/heart» bundle, as well as on the model of socio-normative regulation of behavior. Correspondences and discrepancies in translation and interpretation are considered, including cases of incomplete equivalence, when the pragmatic meaning of the instruction coincides, but the figurative foundations and cultural presuppositions differ. Special attention is paid to the evaluative connotations of «clever/smart» in comparison with «wise», as well as stereotyping attitudes reflected in proverbs about gender and social experience. As a result, the article makes it possible to clarify the mechanisms of conceptualization of intelligence in the paremic foundation and identify typological parameters relevant for intercultural communication and translation practice.

Keywords: paremia, concept of intelligence, Chinese language, English language, intercultural semantics.

Аннотация: Статья представляет лингвокультурологический анализ паремий, репрезентирующих концепт умственных способностей и оценку когнитивного поведения в китайской и английской языковых традициях, с акцентом на семантическую дифференциацию «wisdom/knowledge/wit» и их соотношенность с повседневной рациональностью и житейской рассудительностью. Материал демонстрирует, что в обоих языках интеллектуальная характеристика личности систематически выражается через устойчивые образные формулы, однако набор доминирующих метафор и оценочных векторов различается: английские выражения активно задействуют оппозиции «теория–практика», «молчание–глубина», «бережливость–расходительность», тогда как китайские паремии шире опираются на иероглифические концепты 心 (синь) и связку «mind/heart», а также на модели социально-нормативной регуляции поведения. Рассматриваются соответствия и расхождения при переводе и интерпретации, включая случаи неполной эквивалентности, когда совпадает прагматический смысл наставления, но расходятся образные основания и культурные presuppositions. Отдельное внимание уделено оценочным коннотациям «clever/smart» в сопоставлении с «wise», а также стереотипизирующим установкам, отраженным в пословицах о гендере и социальном опыте. В результате статья позволяет уточнить механизмы концептуализации интеллекта в паремическом фонде и выявить типологические параметры, релевантные для межкультурной коммуникации и переводческой практики.

Ключевые слова: паремия, концепт интеллекта, китайский язык, английский язык, межкультурная семантика.

Антропоцентрическая парадигма, утвердившаяся в современной лингвистике на рубеже тысячелетий, сместила фокус научного интереса с системно-структурного описания языка на исследование человека как языковой личности, обладающей уникальным когнитивным инструментарием. В этом контексте язык перестает рассматриваться исключительно как система знаков и начинает интерпретироваться как конститутивное свойство человеческого сознания, фиксирующее результаты познавательной деятельности и культурно-

исторического опыта этноса [4, с. 50]. Особый интерес для исследователей представляет концептуализация интеллектуальной сферы, поскольку именно интеллект, разум и способность к познанию традиционно выделяют человека из биологического мира, формируя основу его самоидентификации. Паремииологический фонд, аккумулирующий в себе вековую мудрость народа, его этические нормы и стереотипы поведения, является наиболее репрезентативным источником для реконструкции фрагментов языковой картины мира, связанных с интел-

лектуальной деятельностью. В пословицах и поговорках, как в свернутых микротекстах, запечатлены не только прямые оценки умственных способностей, но и скрытые когнитивные метафоры, определяющие отношение носителей языка к знанию, обучению, глупости и мудрости [12, с. 105]. Исследование этих единиц в компаративном аспекте позволяет выявить как универсальные, общечеловеческие закономерности осмысления интеллекта, так и идиоэтнические особенности, обусловленные различиями в историческом развитии, религиозно-философских системах и социальном укладе китайского и английского языковых сообществ.

Проблема вербализации концептов ментальной сферы в разноструктурных языках остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Интеллект как многомерный феномен с трудом поддается однозначной дефиниции, что порождает вариативность его лексического и фразеологического воплощения. Если в европейской традиции, к которой принадлежит английская лингвокультура, интеллект часто ассоциируется с рациональностью, логикой и прагматизмом, то в восточной традиции, ярко представленной китайской культурой, понятие ума неразрывно связано с этическими категориями, интуицией и состоянием «сердца» [7, с. 118]. Это фундаментальное различие диктует необходимость глубокого семантического и лингвокультурологического анализа паремий, описывающих интеллектуальные качества человека. Сравнение китайского и английского языков в данном ракурсе представляется особенно продуктивным в силу их типологической дистанцированности и принадлежности к диаметрально противоположным цивилизационным парадигмам — западной и восточной. Подобный подход позволяет не только каталогизировать соответствующие единицы, но и вскрыть глубинные когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования оценки интеллектуальной деятельности в двух культурах [15, с. 48].

Актуальность обращения к теме интеллектуального мира человека через призму паремиологии обусловлена также процессами глобализации и межкультурной коммуникации, требующими тонкого понимания ментальных установок партнера. Непонимание культурных кодов, заложенных в пословицах, может приводить к коммуникативным неудачам, неверной интерпретации намерений и оценок собеседника. Например, отношение к «книжному знанию» или «хитрости» в английской и китайской культурах может иметь разные коннотативные оттенки, что находит прямое отражение в паремиологическом материале [2, с. 70]. Китайская культура, пронизанная конфуцианским пиететом перед учением, генерирует огромное количество паремий, возводящих процесс познания в культ, в то время как английская паремиология, будучи более прагматичной, нередко де-

монстрирует скепсис по отношению к теоретическому знанию, оторванному от практики. Выявление этих нюансов требует привлечения широкого спектра источников и применения комплексной методики анализа, сочетающей лингвистические и культурологические приемы. Научная новизна подобного исследования заключается в попытке системного сопоставления концептуальных полей «ум/интеллект» на материале пословиц, что позволяет уточнить существующие представления о национальной специфике языковых картин мира.

Познание интеллектуального мира другого этноса невозможно без погружения в его аксиологическую систему, где пословицы играют роль своеобразных моральных императивов. В паремиях фиксируется не сиюминутное состояние языка, а его диахронический срез, устойчивое ядро представлений, прошедшее отбор временем. Интеллект в этом зеркале предстает не просто как когнитивная способность, но как социальная ценность или антиценность, в зависимости от контекста и результата его применения [9, с. 120]. В английском языке существует разветвленная система паремий, разграничивающих понятия «wisdom» (мудрость), «knowledge» (знание) и «wit» (остроумие), каждое из которых занимает свою нишу в иерархии ценностей. В китайском языке аналогичная дифференциация осложняется синкретизмом понятий, где ум часто связывается с хитростью или, наоборот, с высшей добродетелью. Изучение этих семантических сдвигов и наложений составляет важную часть лингвистического анализа, направленного на реконструкцию целостного образа интеллектуального человека в сознании носителей языка. Сложность структуры концепта интеллекта требует от исследователя отказа от упрощенных схем и готовности к работе с многозначностью и контекстуальной зависимостью паремиологических единиц.

Материалом для исследования послужила репрезентативная выборка паремиологических единиц китайского и английского языков, отобранная методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников, сборников пословиц и поговорок, а также электронных корпусов текстов. Общий объем проанализированного материала составил более пятисот единиц для каждого языка, что обеспечивает достаточную статистическую достоверность полученных выводов. Критерием отбора послужило наличие в структуре паремии семантических компонентов, прямо или косвенно указывающих на интеллектуальную деятельность, процесс познания, наличие или отсутствие ума, мудрости, глупости, а также оценку результатов мыслительных операций. В качестве источников материала использовались как классические словари, такие как «Оксфордский словарь пословиц» и «Большой словарь китайских пословиц», так и современные паремиологические справочники, фиксирующие актуальное состояние языка [10, с. 114]. Важным

этапом работы стала верификация отобранных единиц на предмет их узуальности и частотности употребления в современной речи, что осуществлялось с помощью анализа корпусных данных и контекстов использования в средствах массовой информации и художественной литературе. Это позволило исключить из анализа архаизмы, утратившие свою актуальность, и сосредоточиться на единицах, составляющих активный паремиологический фонд.

Специфика сопоставительного анализа разноструктурных языков, каковыми являются китайский и английский, диктует необходимость применения метода лингвистического моделирования, позволяющего конструировать фреймовые структуры концептов «интеллект» и сопоставлять их наполнение. Процедура исследования включала несколько этапов: на первом этапе осуществлялась идентификация и классификация паремий по тематическим группам (обучение, врожденный ум, опыт, глупость и т.д.); на втором этапе проводился сопоставительный анализ образных систем и метафорических моделей, лежащих в основе паремий; на третьем этапе выявлялись лакуны и безэквивалентные единицы, отражающие уникальные черты национального менталитета [5, с. 51]. Важным методологическим принципом явился учет функционально-стилистической окраски паремий, так как отношение к интеллекту может варьироваться от высокого пафоса до иронии и сарказма, что существенно влияет на интерпретацию смысла. При анализе китайских паремий особое внимание уделялось чэньюй (готовым выражениям), имеющим, как правило, четырехсложную структуру и восходящим к классическим литературным произведениям, что требовало привлечения историко-филологического комментария для их адекватного понимания и перевода. Для английских пословиц акцент делался на их вариативности и способности к трансформации в дискурсе, что также учитывалось при анализе их семантики.

Глубинный анализ паремиологического корпуса английского и китайского языков обнаруживает сложную архитектуру интеллектуального мира, где универсальные когнитивные категории преломляются через призму уникального культурно-исторического опыта. Одной из центральных дихотомий, пронизывающих паремиологическое пространство обоих языков, является противопоставление природного ума и приобретенного знания, однако аксиологические векторы в данном случае имеют существенные расхождения. В китайской лингвокультуре, фундированной конфуцианской этикой, процесс учения (хуэ) сакрализуется и рассматривается как единственный путь к обретению статуса «благородного мужа». Паремия «Sān rì bù dúshū, kǒu shēng jīngjí» (Три дня не читать книг — рот зарастет колючками) ярко иллюстрирует физиологическую потребность в интеллектуальной подпитке, приравнивая отсутствие чтения

к деградации речи и личности. Здесь интеллект не есть данность, но процесс постоянного самосовершенствования, требующий волевых усилий. В английской же традиции, хотя ценность образования не отрицается, замечен отчетливый прагматический крен и скепсис по отношению к «книжной мудрости», если она не подкреплена эмпирическим опытом [13, с. 495]. Английская поговорка «An ounce of practice is worth a pound of theory» (Унция практики стоит фунта теории) устанавливает четкую иерархию, где реальное действие и опытность преобладают над абстрактным знанием. Это коррелирует с эмпирической традицией британской философии, ставящей опыт во главу угла познания, в отличие от восточной традиции, где знание часто носит ритуализированный и текстоцентричный характер.

Лексическая репрезентация концепта «ум» в анализируемых языках демонстрирует фундаментальные различия в локализации мыслительного центра, что неизбежно отражается на образной системе пословиц. Для английского языкового сознания, наследующего дуализм Декарта, характерно разделение «mind» (разум) и «heart» (чувства), где интеллект прочно ассоциируется с головой, мозгом («brain»). Пословицы типа «Better rely on one's own brain than on another's» подчеркивают автономность и рациональность мыслительного процесса. В китайской же картине мира доминирует концепт «xīn» (сердце-ум), который представляет собой синкретичное единство рационального и эмоционального начал. Орган мышления в китайской соматической фразеологии и паремиологии — это сердце [8, с. 32]. Пословица «Xīn zhì ze shì chéng» (Если есть воля/ум в сердце, то дело свершится) демонстрирует, что интеллектуальное намерение неразрывно связано с эмоциональным волеизъявлением. «Умное сердце» в китайском понимании способно не только вычислять, но и чувствовать моральную правильность решения. Это создает трудности при переводе, так как английское «clever» или «smart» часто несут коннотацию ловкости и быстроты реакции, тогда как китайские эквиваленты могут подразумевать этическую зрелость. Впрочем, и в китайском языке существует понятие «xiǎo cōngmíng» (маленький ум, мелкая хитрость), которое часто осуждается в паремиях как недалёковидность, противопоставляемая «dà zhìhuì» (великой мудрости).

Рассмотрение метафорики процесса познания выявляет интересные параллели и контрасты в способах визуализации интеллектуального труда. В китайских паремиях доминируют метафоры, связанные с кропотливым трудом, шлифовкой, накоплением и преодолением трудностей. Классическим примером служит выражение «Yào xiǎng rén qián xiǎnguì, bì děi rén hòu shòuzui» (Хочешь блистать перед людьми — должен страдать за их спинами), которое, хотя и имеет широкий смысл, часто применяется к учебе, или более специфическое «Yù bù zhuó, bù chéng qì» (Неотшлифованный нефрит не станет

сосудом). Интеллект здесь — это драгоценный камень, требующий жесткой обработки [6, с. 34]. Образ «шлифовки» подразумевает болезненность и длительность процесса. Английские пословицы чаще оперируют метафорами света, видения и схватывания («See the light», «Penny wise»), либо метафорами питания и пищеварения («Food for thought»). Английское сознание акцентирует внимание на моменте озарения, ясности понимания (perspicacity), в то время как китайское фокусируется на кумулятивном эффекте усилий. Пословица «Dú wàn juàn shū, xíng wàn lǐ lù» (Прочитать десять тысяч свитков, пройти десять тысяч ли) объединяет книжное знание и опыт путешествий, создавая образ интеллектуала как странника, собирающего мудрость по крупицам в пространстве и времени. В английском языке аналогом может служить «Travel broadens the mind», однако китайская формула задает конкретные количественные параметры, подчеркивая масштабность необходимого труда.

Особый пласт паремиологического фонда составляют единицы, описывающие глупость и невежество, которые служат своего рода негативом для проявления интеллектуального идеала. В английской культуре глупость часто ассоциируется с болтливостью, отсутствием сдержанности и пустым шумом: «Empty vessels make the most noise» (Пустые сосуды гремят громче всех). Здесь дефицит интеллекта метафорически уподобляется пустоте, которая не способна удерживать содержание. Также распространена тема бесполезности обучения глупца: «Fools rush in where angels fear to tread» (Глупцы врываются туда, куда ангелы боятся ступить), подчеркивающая не столько отсутствие знаний, сколько отсутствие осторожности и оценки рисков [14, с. 497]. Китайская традиция в трактовке глупости более нюансирована. С одной стороны, существует жесткое осуждение невежества, сравниваемого с слепотой или нахождением в колодце: «Zuò jǐng guān tiān» (Сидеть в колодце и смотреть на небо) — о человеке с ограниченным кругозором. С другой стороны, даосская традиция привносит идею «мудрой глупости» или «нарочитой небрежности», где истинный мудрец может казаться профаном. Выражение «Dà zhì ruò yú» (Великая мудрость подобна глупости) переворачивает привычную иерархию, указывая на то, что высшая степень интеллекта скрывает свой блеск, чтобы не вызывать зависти и гармонично сосуществовать с миром. В английском языке есть схожая пословица «Still waters run deep» (Тихие воды глубоки), однако она скорее указывает на скрытый потенциал, нежели на философскую стратегию поведения.

Социальная значимость интеллекта в зеркале паремиологии двух языков также имеет свою специфику. В Китае исторически сложившаяся система государственных экзаменов кэцзюй сформировала устойчивую связь между ученостью и властью, богатством, социальным престижем. Пословица «Shū zhōng zì yǒu huángjīn wǔ» (В

книгах — золотые дома) прямо указывает на прагматическую ценность образования как социального лифта. Интеллект — это инструмент изменения судьбы, причем не только личной, но и родовой. Уважение к учителю и ученому граничит с религиозным почитанием: «Yī rì wéi shī, zhōngshēn wéi fù» (Один день был учителем — всю жизнь почитай как отца). В английском паремиологическом пространстве связь ума и богатства менее линейна и подчас иронична. Пословица «A fool and his money are soon parted» (Дурак и деньги быстро расстанутся) утверждает, что ум нужен для сохранения капитала, но не гарантирует его обретение. Более того, существует противопоставление чрезмерной учености и жизненного успеха: «Too clever by half» (Слишком умен — наполовину), что подразумевает недоверие к избыточному интеллекту, который может привести к изоляции или ошибкам из-за самоуверенности [3, с. 254]. Английский идеал «common sense» (здравого смысла) часто ставится выше академической эрудиции, что отражает демократичность и практицизм англосаксонской культуры, в отличие от иерархичности и элитарности традиционной китайской модели учености.

Интересен также гендерный аспект интеллектуальных характеристик в пословицах, который, к сожалению, в обоих языках транслирует патриархальные стереотипы, хотя и с разной степенью интенсивности и метафорического оформления. Китайская пословица «Nǚzǐ wú cái biàn shì dé» (Отсутствие таланта/образования у женщины — это добродетель) фиксирует традиционный взгляд на женский интеллект как на потенциальную угрозу семейной гармонии. Ум женщины должен быть направлен внутрь, на управление хозяйством, а не вовне. Английские пословицы также не лишены мизогинии в этом вопросе, например: «A woman's hair is long, but her wit is short» (У женщины волос долог, да ум короткий), что находит почти буквальные соответствия во многих европейских и славянских языках. Однако в английском корпусе чаще встречаются паремии, признающие женскую проницательность или интуитивную мудрость, пусть и отличающуюся от мужской логики [11, с. 3915]. Сравнительный анализ показывает, что в современной интерпретации эти пословицы часто переосмысляются или используются с ироническим подтекстом, однако их наличие в языке свидетельствует о длительной истории гендерной асимметрии в оценке интеллектуальных способностей.

Анализируя отношение к ошибкам как к побочному продукту интеллектуальной деятельности, можно заметить, что английская культура склонна рассматривать ошибку как необходимый этап обучения: «Failure teaches success» (Неудача учит успеху) или «To err is human» (Человеку свойственно ошибаться). Ошибка здесь десакрализована и включена в алгоритм роста. Китайская ментальность, ориентированная на сохранение «лица»,

воспринимает публичную ошибку интеллекта болезненнее. Однако и здесь есть понимание неизбежности промахов: «Zhì zhě qiān lǜ, bì yǒu yī shī» (Даже мудрец из тысячи дум допускает одну ошибку). Разница заключается в фокусе: в английском акцент на том, что ошибка полезна, в китайском — на том, что она статистически возможна даже для совершенного ума, что служит утешением, но не поощрением к риску. Это различие коррелирует с более широкими культурными стратегиями избегания неопределенности, которые в китайской культуре традиционно выше, чем в англо-американской.

Лингвистическая структура паремий также вносит вклад в формирование образа мысли. Китайские пословицы, часто построенные на параллелизме и ритмической организации, создают ощущение неизменной, космической истины. Лаконичность классического китайского языка (вэньянь), следы которого сохраняются в чэньюях, придает высказываниям об уме афористичность и монументальность. Например, «Wòhǔcánglóng» (Затаившийся тигр, скрытый дракон) — метафора скрытых талантов, в том числе интеллектуальных, обладает высокой эстетической ценностью. Английские пословицы более вариативны синтаксически, часто используют рифму для мнемонического эффекта («Birds of a feather flock together» — хотя это о социальном, принцип тот же), но стилистически они ближе к разговорной речи, к бытовому наблюдению. Это снижает пафос интеллектуальной темы, делая её частью повседневности, тогда как китайская форма возвышает интеллект до уровня искусства.

Сопоставление семантики глаголов, используемых в контексте интеллектуальной деятельности, вскрывает разные векторы приложения умственных сил. В английских паремиях часты глаголы действия и обладания: «know», «make», «keep», «buy» (в метафорическом смысле). Знание здесь — объект, которым можно манипулировать. В китайских паремиях преобладают глаголы состояния, восприятия и проникновения: «wù» (осознать, прозреть), «míng» (понимать, быть ясным), «xiū» (исправлять, совершенствовать). Это подчеркивает интровертный характер китайского интеллектуального идеала, направленного на внутреннюю трансформацию, в противовес экстравертному, инструментальному характеру западного интеллекта, направленного на преобразование внешнего мира.

Компаративное исследование паремиологических единиц китайского и английского языков, объективирующих интеллектуальный мир человека, позволяет констатировать наличие глубоких типологических и культурологических расхождений при сохранении универсального ядра, признающего интеллект высшей ценностью. Проведенный анализ демонстрирует, что языковая картина мира не просто отражает социаль-

ные реалии, но и активно формирует когнитивные установки носителей языка, предписывая определенные сценарии интеллектуального поведения. В английской лингвокультуре интеллект концептуализируется преимущественно как прагматический инструмент адаптации и достижения успеха, где критерием истины выступает опыт, а здравый смысл ценится выше абстрактной эрудиции. Рациональность, логика и автономия мышления составляют ядро английского концепта «mind», который четко отграничен от эмоционально-чувственной сферы. Паремии английского языка поощряют активность, предприимчивость ума и толерантное отношение к ошибкам как к части эмпирического пути познания.

Китайская паремиологическая традиция, напротив, транслирует образ интеллекта, неразрывно связанного с морально-этическим совершенствованием и социальной иерархией. Концепт «сердца-ума» (Xin) объединяет когнитивные и эмоциональные процессы, создавая идеал мудрости, который включает в себя не только знания, но и гуманность, чувство долга и ритуальную корректность. Учение в китайской картине мира предстает как сакрализованный, трудоемкий процесс «шлифовки» личности, являющийся единственным легитимным способом повышения социального статуса. Отношение к знанию здесь характеризуется высоким пиететом, граничащим с культом, а глупость часто ассоциируется не просто с отсутствием информации, но с моральной неразвитостью или духовной слепотой. При этом даосское влияние привносит в китайскую паремиологию диалектическое понимание ума, где истинная мудрость может маскироваться под простоту, что практически не находит аналогов в английской традиции, ориентированной на эксплицитную демонстрацию компетентности.

Таким образом, паремиологические фонды двух языков фиксируют различные когнитивные стратегии: западную, ориентированную на внешний результат, анализ и дискретность мышления, и восточную, направленную на внутреннее самосовершенствование, синтез и целостное восприятие действительности. Эти различия необходимо учитывать в практике межкультурной коммуникации, переводе и преподавании языков, так как за схожими лексическими единицами могут скрываться диаметрально противоположные культурные смыслы и ценностные ориентации. Дальнейшее изучение данной проблематики может быть направлено на расширение эмпирической базы за счет привлечения диалектных паремий, а также на исследование трансформации традиционных представлений об интеллекте в современном цифровом дискурсе обеих стран, где глобализационные процессы могут приводить к размыванию или, наоборот, актуализации выявленных национально-специфических черт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Л. Образы злого человека в русской паремиологической картине мира (на фоне китайского языка) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 386-388.
2. Binbin H. A comparative study of the semantic fields of Chinese and English kinship terms // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2023. № 1 (3). С. 69-71.
3. Круглов В.В. Бытийно-динамические понятия традиции «Ицзина» и модель их лингвокультурологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. № 2. С. 252-266.
4. Ян С., Ло С. Лингвокультурологический анализ соотношения концептов «небо» и «человек» в китайских пословицах и поговорках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-1 (46). С. 130-135.
5. Ван С. Национально-культурная специфика фразеологизмов, характеризующих поведение человека, в русском и китайском языках // Актуальные проблемы филологии. 2023. № 27. С. 42-53.
6. Дубкова О.В., Денисенко А.В. Методология исследований картины мира китайцев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 32-36.
7. Головановская М.К., Ефименко Н.А. Представление об уме в русском, французском и китайском языках и культурах // Философия и культура. 2023. № 5. С. 117-133.
8. Маджанчинова Д.Ю. Лингвокультурологический анализ паремий, репрезентирующих концепт «труд» в русской и китайской картинах мира // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2024. № 2. С. 29-35.
9. Чэнь С. Национально-культурное содержание китайских фразеологизмов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13. № 4. С. 113-125.
10. Сун Ц. Методика анализа паремий с временно-пространственными метафорами в русском и китайском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6-2 (105). С. 112-116.
11. Митрофанов А.Д. Отражение менталитета и культурных особенностей китайцев в языке // Научный аспект. 2024. Т. 30. № 4. С. 3914-3917.
12. Сюэ Б. Определенное количество в китайской и русской паремиологии: проблемы изучения и преподавания // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2024. № 2. С. 104-111.
13. Митриев И.М. Отражение современного Китая в аспекте гармоничной культуры // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 95-4. С. 134-136.
14. Толстых О.А. Паремии о труде в русской и китайской лингвокультурах: опыт сопоставительного анализа // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 494-498.
15. Янь Ч. Прагматические аспекты речевой реализации концепта жизненного пути объекта в различных жанрах дискурса русской и китайской лингвистических традиций // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 2. С. 33-49.

© Цзоу Айчжу (Zouaizhu@yandex.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»